

ходы правительства на начальное народное образование составляли 0,66% обыкновенных государственных расходов 1900 года. Въ среднемъ выводъ на каждое начальное училище было израсходовано 592 р. 7 к.; одна церковная школа обошлась въ 295 р. 58 к. Стоимость одного учащагося равнялась въ среднемъ выводъ 10 р. 93 к., а по вѣдомству Св. Синода—7 р. 70 к.

Наконецъ, обращаясь къ вопросу объ успѣхахъ начального народного образования, слѣдуетъ сказать, что точной статистики ихъ нѣтъ. О числѣ окончившихъ курсъ начальныхъ школъ имѣются данныя только по училищамъ вѣдомства Мин. Народ. Просв. Въ 1900 году окончило въ нихъ курсъ 284,895 человекъ, или 10,3% общаго числа учащихся въ этихъ училищахъ. Если мѣриломъ успѣховъ народного образования считать грамотность новобранцевъ, то можно сказать, что грамотность ихъ довольно быстро повышается. Въ 1885 году она составляла по всей Имперіи 27%, а въ 1898 г.—45% общаго числа новобранцевъ, при чемъ въ земскихъ губерніяхъ въ 1898 г. было грамотныхъ новобранцевъ 50%, а въ неземскихъ—41%. Высота послѣдняго процента должна быть еще понижена, если исключить прибалтійскія неземскія губерніи, которыя въ отношеніи грамотности стоятъ много выше прочихъ неземскихъ губерній Россіи. Чтобы дать грамотность всему населенію Имперіи, придется еще много потрудиться Церкви и Правительству. Дѣти школьнаго возраста составляютъ приблизительно 10% населенія Имперіи, а въ 1900 году всѣхъ учащихся дѣтей было только 3,4% общаго числа жителей Россіи.

А. С.

ЛЮБОВЬ ПОБѢДИЛА.

(Разсказъ изъ жизни церковно-приходской школы).

Быль прекрасный майскій день. Солнце ярко и какъ-то радостно освѣщало землю... Какъ будто бы оно предчувствовало,

что въ этотъ день случится что-то великое. Птички своими звонкими голосами наполняли весь садъ, который окружалъ Божій храмъ; и щебетанье ихъ даже проникало внутрь храма, гдѣ, сливаясь съ пѣніемъ школьнаго хора, возносило сердца молящихся горѣ....

Тихо было въ это время въ Т—ской церковно-приходской школѣ. Тамъ школьный сторожъ смахивалъ пыль со стола, который былъ покрытъ зеленымъ сукномъ. Это сукно каждый годъ приводило его въ какой-то трепеть. Онъ внимательно осматривалъ комнату, чтобы не осталось въ ней гдѣ-нибудь какой бумажки, потому что эту комнату онъ приготовлялъ для акта школьнаго, который назначенъ былъ въ этотъ день послѣ обѣдни. Но вотъ загудѣли колокола, радостно разнося свой гулъ по станицѣ А—ской и извѣщая жителей ея о томъ, что трапеза, предложенная Господомъ Своимъ дѣтямъ, окончилась.

— „Слава Тебѣ, Господи! — сказалъ, крестясь сторожъ: вотъ и обѣдня окончилась!“ Какая-то радость въ эту минуту наполнила его сердце. По лицу его видно было, что онъ ждетъ чего-то съ нетерпѣніемъ. Онъ задумался.

— „Два десятка лѣтъ, какъ я въ этой школѣ, — пронеслось въ его головѣ: двадцать лѣтъ изъ-года-въ-годъ уже приготовляю эту комнату для акта, а вотъ все не привыкну“... Мысли его неслись впередъ... „Одинъ одишечекъ я: нѣтъ у меня никого изъ близкихъ на свѣтѣ!... Соберутся здѣсь сегодня родители со своими дѣтишками... Я посмотрю на ихъ радость... Эхъ, ты жизнь!“...

Но не успѣлъ онъ окончить свою горькую думу, какъ на дворѣ уже раздались веселые дѣтскіе голоса.

Изъ церкви толпами спѣшили въ школу молящіеся: одни, чтобы послушать, какъ будутъ школьники читать разученныя ими басни, и насладиться пѣніемъ школьнаго хора, родители же спѣшили услышать отчетъ объ успѣхахъ своихъ дѣтишекъ, и потомъ возблагодарить Господа за благополучно прошедшій годъ.

Скоро школа наполнилась... Въ классахъ слышались веселые дѣтскіе голоса. Но вдругъ крикъ смолкъ... Толпа разступилась и вошелъ батюшка-старичекъ. Лицо его, не смотря на мно-

жество линий, появившихся от времени (ему было 70 лѣтъ) было такъ пріятно, что невольно, съ перваго же раза, всякій, увидѣвшій его, привязывался къ нему всей душой. Вся его фигура, всѣ движенія такъ были прекрасны, гармоничны, что, кажется, каждому говорили, что этотъ человѣкъ живетъ не для себя.

— „Здравствуйте, добрые люди!“ — мягко и сердечно произнесъ батюшка. „Пришли поблагодарить Господа Бога? Это похвально!“ И началъ облачаться.

Вскорѣ раздалось нѣжное дѣтское пѣніе благодарственнаго тропаря: „Благодарни суще недостойни раби Твои, Господи!“... Умилительный напѣвъ, переполненный смиреніемъ слова тропаря, какая то торжественная тишина; все это производило чарующее впечатлѣніе на сердца молящихся. Этотъ солнечный лучъ, пробившійся черезъ открытое окно, падая на сѣдую голову служителя Божія, дѣлалъ лицо его еще болѣе привлекательнымъ. Казалось, что вся природа, какъ бы предчувствуя что-то, сочувствовала этому дѣтскому торжеству...

Въ это время медленно, понуря низко-низко голову, брелъ мимо путникъ. Лицо его, изрѣзанное множествомъ, по всѣмъ направленіямъ, глубокихъ линий, было осунутое и распухшее. Одежда, состоявшая изъ короткаго пиджака и короткихъ брюкъ, была изорвана и грязна. На головѣ, на кучкѣ сбитыхъ волосъ, висѣла изодранная, еле державшаяся шляпа; на ногахъ — отрѣзки отъ сапогъ, за спиной — небольшой узелокъ.

И вдругъ надъ его головой, какъ бы изъ самой сипевы неба, льются слова тропаря, вырвавшіяся на волю черезъ открытое окно: „Твоихъ благодарній и даровъ туне, яко раби непотребни, сподоблшеса, Владыко, къ Тебѣ усердно притекающе благодареніе по силѣ приносимъ“... Путникъ, какъ громомъ ошеломленный, остановился, снялъ свою шляпу и осѣнилъ себя крестнымъ знаменіемъ. Чѣмъ-то роднымъ повѣяло на него. Лицо его просіяло и онъ смѣлыми шагами направился туда, откуда лились эти благодатныя слова. Пробравшись въ середину толпы, путникъ сталъ потихоньку подпѣвать.

Молебенъ продолжался...

Хоръ зашѣлъ: „Тебе, Бога, хвалимъ“... Поились легкія дѣтскіе голоса, хваля Бога. — „Тебе убо просимъ“ — стонеть въ воздухѣ душа, требующая помощи: „помози рабомъ Твоимъ, ихъ же честною кровію искупилъ еси“...

Но чей это голосъ такъ мощно врывается въ душу? Чей это голосъ, заставивъ каждого содрогнуться, наполнивъ собою всю школу невыразимою отъ низкихъ басовыхъ нотъ пріятностью и теплотою? Всѣ глядятъ вдаль комнаты, ища этотъ властный голосъ. А виновникъ этого, съ кротко-сіяющимъ лицомъ, со слезами раскаянія на глазахъ, умиленно смотритъ на присутствующихъ, какъ бы прося у нихъ прощенія въ томъ, что онъ своимъ пѣніемъ нарушилъ ихъ молитвенное настроеніе.

Кончился молебенъ.

Вдругъ неожиданно для всѣхъ... на средину выходитъ незнакомецъ и, кланяясь батюшкѣ, говоритъ: „Батюшка, просите меня, что я безъ позволенія присталъ къ хору... Не могъ стерпѣть“!... — Голосъ незнакомца въ эту минуту дрожалъ и, казалось, что отъ волненія у него захватывало духъ.

— „Какъ услышалъ слова хвалебной пѣсни“,... — продолжалъ онъ, захлебываясь отъ радости, что его впервые выслушиваютъ какъ человѣка, — „все прошлое... чистое воскресло. Заволновалась душа, захотѣлось излить наболѣвшее сердце въ пѣніи... Батюшка, не смотрите на меня, какъ на пропащаго человѣка“!

— „Что ты, другъ мой! — вдругъ сказалъ ему доселѣ молчавшій батюшка, — развѣ ты пропащій человѣкъ? Развѣ могутъ такіе люди погибать? — Смотри, ты своимъ пѣніемъ усладилъ наши сердца! Зачѣмъ такъ падать духомъ?! Пришелъ къ намъ, будь нашимъ гостемъ“.

— „Благодарю!.. Благодарю васъ, батюшка, — сказалъ незнакомецъ сильно взволнованнымъ голосомъ: — за вашу ласку, за вашу любовь сердечную, которую вы согрѣли меня! — До этой минуты... охъ, тяжело и вспомнить... До этой минуты меня, — продолжалъ онъ перерывающимся голосомъ, — всѣ меня гнали!... До этой минуты на меня всѣ смотрѣли, какъ на зачумленного; каждый гналъ,

презиралъ меня“... Глаза незнакомца блестя, онъ весь какъ-то измѣнился. Чего не дѣлаетъ съ человѣкомъ сердечная бесѣда? Нужно было ожидать, что эта изстрадавшаяся душа скитальца вылетится въ горячихъ искреннихъ слезахъ.

— „А вы, дорогой батюшка,—продолжалъ незнакомецъ уже сквозь подступившія слезы,—воскресили меня, пробудили мою душу отъ сна грѣховнаго“.

— „Нѣтъ, не я тебя другъ мой, воскресилъ,—сказалъ незнакомцу смиренно и не менѣе взволнованнымъ голосомъ батюшка:—это Господь, Господь, всегда желающій грѣшника спасти, растопилъ твое сердце Своею всесвятою благодатию!—Его, другъ мой, Его одного благодарю“.

— „Но, батюшка,—сказалъ незнакомецъ,—научите меня, какъ возблагодарить Его“?

— „Вотъ какъ, милый человѣкъ: становись-ка ты въ ряды нашихъ хора. Голосъ твой, Богъ дастъ, исправится и ты воспрославишь Отца нашего Небеснаго, Промыслителя и Спасителя, Господа Иисуса Христа“.

Послѣ этихъ словъ батюшка, обратившись къ старостѣ, здѣсь присутствовавшему, и къ народу, сказалъ:

— „Православные христіане! Пропалъ нашъ братъ во Христвъ и нашенся, умирала душа православная и теперь ожива. Я прошу васъ, въ виду сердечнаго раскаяніи сего для насъ пока незнакомаго человѣка, взять его намъ на свое попеченіе: мы положимъ ему жа юванье, одѣнемъ его, помня слова Спасителя: «когда я былъ нагъ—вы одѣли Меня». А за доброе дѣло и намъ Господь проститъ согрѣшенія наши.“

Короткая, но отъ сердца сказанная рѣчь, сильно подѣйствовала на сердца слушавшихъ. Всѣ, какъ одинъ, согласились и тутъ же рѣшили положить незнакомцу 10 руб. жалованья.

— „Ну, добрый человѣкъ,—сказалъ батюшка незнакомцу,—ты теперь будешь цѣть у насъ“.

— „Господи!... да не во снѣ ли все это?—воскликнулъ незнакомецъ съ сіяющимъ отъ умиленія и счастья лицомъ. Глаза его блестя, какою-то неземною радостью.—Уже-ли я опять буду восхва-

лять Тебя, Всевышній Творецъ, какъ прежде восхвалялъ въ архіерейскомъ хорѣ?—Я поднялся изъ той грѣховной трясины, въ которой потопалъ два года? Нѣтъ!... Это сонъ“.

Проговоривъ это, незнакомецъ какъ бы забылся. Но по лицу его, на которомъ, кажется, съ быстротою молніи выступала то краска, то блѣдность, можно было замѣтить, какая сильная борьба происходила въ душѣ его.

Съ минуту продолжалось молчаніе. Въ залѣ стояла могильная тишина: казалось, что душевная борьба незнакомца передалась и всѣмъ присутствующимъ, какъ будто бы каждый изъ находящихся заглянулъ въ свою душу и что-то тамъ искалъ.

И вотъ среди этой-то тишины вдругъ раздалось рыданіе незнакомца. Итакъ, душевная борьба прекратилась: изстрадавшаяся душа нашла себѣ облегченіе, изливъ боль сердца въ слезахъ. Минуты двѣ незнакомецъ ни слова не могъ сказать отъ душившихъ его рыданій. Наконецъ онъ поднялъ свои заплаканные глаза на народъ и тихимъ, но полнымъ раскаянія, голосомъ сказалъ:

— „Добрые люди! вы приняли меня, не разспрашивая: кто я и откуда? Скажу вамъ о своей жизни: Жизнь моя была прежде свѣтлая: я служилъ псаломщикомъ въ Т...ской губерніи и былъ трезвымъ человѣкомъ. Однажды въ наше село пріѣхалъ архіепископъ, и меня за мой голосъ взяли въ архіерейскій хоръ. Хорошо мнѣ было служить въ хорѣ. Но городская жизнь, знакомство съ однимъ молодымъ человѣкомъ, который сталъ меня частенько водить къ себѣ и попивать водкой проклятой, такъ что я частенько являлся на квартиру пьянымъ, погубили меня. Послѣ такого знакомства скоро меня изъ хора прогнали. И сталъ я бродить по бѣлу свѣту, все падаю ниже и ниже, пока не обрѣлъ у васъ своего спасенія. Простите меня!“ низко склонивъ голову, произнесъ онъ.

Видно было, что Господь коснулся Своею благодатію сердца его.

— „Господь тебя проститъ!“—отвѣчали присутствующіе и стали расходиться по домамъ. У всѣхъ на сердцѣ была неописуемая ра-

дость. И вся природа ликовала, какъ бы зная, что великая радость происходитъ на небѣ о единомъ кающемся грѣшникѣ.

Только сторожъ было опечалился, когда вспомнилъ, что цѣлый годъ ему ждать теперь столь многихъ гостей. Но печаль была мгновенная: вспомнилъ онъ, что на свѣтѣ есть люди, жизнь которыхъ хуже его, вспомнилъ и сказалъ: „Благодарю Господа“!

Владимиръ Волагуричъ.

Чудесное исцѣленіе неизлечимо-больной.

Не скрывай словесе Божія, но възвѣщай чудеса Его (вторникъ страстной седми., стих. на вечерни).

Въ жизни своей пришлось мнѣ испытать на себѣ и наблюдать на другихъ много такихъ чудесъ, гдѣ благодать Божія проявлялась во очю, такъ сказать, осязательно. Одно изъ нихъ, очевидно коего былъ я, особенно поразило меня и произвело столь глубокое впечатлѣніе, что не могу забыть, не смотря на то, что случилось оно уже 10 лѣтъ тому назадъ.

Крестьянка Пеземскаго Богоявленскаго прихода Вельскаго уѣзда, деревни Василистовской, Александра Яковлева Леонтьева (теперь ей 66 лѣтъ) много годовъ страдала отъ сильной боли въ желудкѣ. Болѣзнь не уступала никакому леченію, и чѣмъ дальше, тѣмъ больной становилось хуже, такъ что въ концѣ 1892 года она слегла въ постель и въ теченіе почти всего 1893 года не вставала.

По благодатному внушенію, у больной явилось непремѣнное желаніе принять къ себѣ на домъ икону св. великомученика и цѣлителя Пантелеимона и отслужить водосвятный молебенъ. Желаніе это она сообщила своему мужу, который и просилъ насъ — священно-церковнослужителей прибыть въ его домъ съ иконою для молебствія.

Не напрасна была надежда больной на цѣлителя-страстотерп-